

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

«НАЗВАЛСЯ САМ СОБОЮ С ПЬЯНСТВА...»
*Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

**№ 38. «Царевич Алексей, сын императора Петра I» [1/5 ? – 10 ноября 1724] – Евстифий
Артемьев сын**

Третий Лжеалексей был российским подданным, православным и, очевидно, русским. Родился он примерно в 1698–1705 годах. О его семье сведений нет. В материалах следствия значится, что он «родом Синбирскаго уезду дворцовой волости Тушки крестьянской сын». Скорее всего, имеется в виду село Тушна, расположенное на правом берегу одноимённого притока Волги к югу от Симбирска. Вероятно, там Артемьева (как холостого?) и отдали в рекруты. Судя по тому, что он попал в гренадеры, ростом его Бог не обидел. С 1723 года он служил извозчиком в Первом гренадерском пехотном батальоне. Вместе с батальоном не позднее сентября 1724 года Евстифий оказался в Астрахани. Там он снял квартиру у астраханского посадского человека Ивана Миронова. В одной избе с ним жили шестеро «товарыщей».

Трудно сказать, являлся ли их батальон самостоятельной воинской единицей или же был подразделением гренадерского полка. Нам лишь известно, что он входил в состав «Низового корпуса» – русских войск под командованием генерала Михаила Афанасьевича Матюшкина, который заменил Петра I в Персидском походе 1722–1723 годов и управлял завоёванными на юге землями. Из Персии в Астрахань войска вернулись поздней осенью 1723 года. Значит Артемьев не участвовал в этом походе. Но если бы не самозванство, он вместе с батальоном явно отправился бы на охрану закавказских владений России.

Мы не знаем, когда и почему у него возникла мысль о самозванстве. Возможно, на Евстифия повлияли слухи о том, что царевич Алексей Петрович ушёл от гибели. Как бы то ни было, 1–5 ноября 1724 года состоялось «проявление» перед священником астраханской Покровской церкви Матвеем Харитоновым. Поп рассказывал затем об этом так. В храм после литургии пришёл незнакомец – по виду «гранодерскаго полку салдат» и попросил «у него исповеди, понеже бутто болен животом». При этом Артемьев «сказывался царевичем Алексеем Петровичем, и дабы он, поп, донёс об нём Лаврентию, епископу Астраханскому и Ставрополскому¹, и чтоб его скрыть. И он, поп, звал его ко оному епископу, и он де не пошёл и сказал, что недосуг ему. Но токмо он, Харитонов, ево не исповедал. А что де царевич Алексей Петрович преставился, про то он, поп, ведаёт, в чём означенного салдата уличал. И он де на то ему ответствен, бутто он сущей царевичь Алексей Петровичь, а что де обноситца (публично говорится. – *О. У.*), что царевичь Алексей Петровичь преставился, и то де мёртвым обнесён другой. А пострадал де он бутто от Меншикова – для того, что гонялся за ним, Меншиковым, со шпагою». Поп не стал задерживать самозванца и доносить на него по горячим следам – может, потому, что «хотел к нему оной салдат вскоре приттить и с ним, попом, итить к епископу Лаврентию», а может, из-за того, что всё же не был уверен, самозванец ли был перед ним.

Судя по всему, Артемьев наивно думал, что ему поверит не только поп, но и епископ, от которого он мечтал получить

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7, 9.

поддержку и защиту. Других сторонников лжемонарх даже не искал. Но Харитонов не знал, как ему быть, и, очевидно, решил выяснить, известно ли о «царевиче» местным военнослужащим: будучи «Астраханского гварнизона у прапорщика Марка Сивицкого...» сказывал, что был у него на духу (на исповеди. – О. У.) гранодерского полку салдат и сказывался царевичем Алексеем Петровичем». Затея вышла боком – от прапорщика о самозванце узнал посадский человек Михаил Смирнов, который 7 ноября «подал извет» генералу Матюшкину. Сразу же Сивицкий и Харитонов были арестованы и допрошены, а вскоре был «сыскан» и виновник переполоха.

На первом допросе он «сказал: Алексеем ево зовут Петров сын, прозвания нет; служит в Первом гранодерском пехотном баталионе в ызвощиках; и в приходе в Покровскую церковь к попу Матвею и в прошении у него исповеди... також и в назывании себя царевичем Алексеем Петровичем не запирался; а каким образом царевичь Алексей Петрович к смерти бутто обменён и как он от Меншикова пострадал, того не объявлял».

10 ноября самозванец на пытке назвал своё настоящее имя и происхождение и представил дело так, будто у него был сообщник: «А что де царевичь Алексей Петрович преставился, про то он, Артемьев, ведал. А назывался де оным царевичем по научению речённого попа Матвея Харитонова». Однако ему не поверили.

В тот же день генерал отослал священника к епископу Лаврентию, написав ему, «чтоб ево, попа, до изследования объявленнаго содержать под караулом и, когда по следованию востребуецца оной поп для ответов или каких по тому делу улик, то бы ево присылать...». Поскольку Матюшкин уезжал «в полученные к Росийской империи в Персии места», он перепоручил следствие бригадиру Михаилу Борисовичу Шереметеву. Нужно было выяснить, «по тому делу не будут ли касатца тамошние астраханские обыватели и Низового корпуса служители». Лжецаревича отправили к Шереметеву, который получил указание содержать его «под крепким караулом» и о результатах следствия «репортоват[ь] немедленно».

На повторной пытке (2 декабря) самозванец вновь смешал правду с ложью. Сначала «на виске в роспросе сказал: царевичем Алексеем Петровичем назвался сам собою с пьянства безо всякаго научения... он, Артемьев, сам ему, попу, царевичем сказался, а не он, поп, к тому называнию научал. А какого ради умыслу сам собою назвался царевичем Алексеем Петровичем, того не объявил же. А потом на той же виске сказал... повторне на попа Матвея Харитонова, что он, поп, научал ево, Артемьева, назватца царевичем Алексеем Петровичем – в то число, как он, Артемьев, был у него на духовенстве. А болше де того за безмолвием не могли у него ничего допытатца, понеже де притворил себя безгласным».

11 марта 1725 года состоялась третья пытка. Евстифий теперь уже не юлил и «на виске в роспросе сказал: царевичем Алексеем Петровичем назвался сам собою с пьянства, а ни по чьему научению, и чего де ради назвался, о том и сам не знает, и помянутой поп Матвей к тому ево называнию не научал. ...Толко де ныне стоит, что ко оному самозванию никто ево не научал и про оное самозвание ништо не знал и о том от него речей никто не слышал, кроме того, что попу Матвею на духовенстве сам сказал. Також и товарищи ево шесть человек, которые с ним, Артемьевым, на одной квартире стояли, про оное самозвание не знали и про намерения де ево о назывании царевичем Алексеем Петровичем от него не слышали».

То же самое он повторил в застенке 20 апреля. Но следователи не успокоились, и 4 мая Артемьев вновь «приведён был в застенок для роспросу». Однако выяснилось, что он «весма болен, и роспрашиват де было невозможно, понеже ничего не говорил». Последняя и тоже неудачная попытка разговорить самозванца была предпринята 27 мая. Он опять «был приведён в застенок для роспросу... токмо де весма был болен же и ничего не говорил, и роспрашиват было ево за безмолвием невозможно».

О полученных результатах Шереметев сразу написал Матюшкину. В середине июня, перед отъездом на юг, он передал командование гарнизоном и руководство следствием обер-кригс-комиссару² Сухово-Кобылину. Тот получил указание вновь пытаться Артемьева, «когда от болезни оной извощик свободится». До этого, очевидно, не дошло, ибо 12 июля Матюшкин отправил в Астрахань приказ: «О... называни[и] царевичем Алексеем Петровичем болше не следовать и извощиком Артемьевым не розыскивать, но токмо б содержать ево под караулом до указу».

20 июля Матюшкин отправил в Военную коллегияю подробное «доношение» о самозванце. 17 августа Военная коллегия предложила Сенату утвердить приговор лжецаревичу. Приговор был таким: «Казнить смертью – отсечь голову». Сенат принял соответствующий указ, видимо, в сентябре – октябре. Через Военную коллегияю указ проследовал в Астрахань, и самозванца казнили в конце 1725 или начале 1726 года.

Ирония судьбы: на воле Артемьев поддержки не нашёл, а вот в тюрьме её обрёл – сочувствующим оказался капрал Смоленского гарнизонного солдатского полка Пётр Бушуев, который стоял «у самозванца... на карауле». Судя по всему, капрал, желая вызволить Евстифия, каким-то образом встретился с епископом Лаврентием и привёл ему доказательства «подлинности» самозванца в духе народных представлений об «истинном государе». Владыка на допросе показал, что Бушуев «сказывал про казаков и про иных разных чинов людей, что оные, приходя к тому самозванцу, подавали ему милостыню по рублю и по полтине и кланялись ему до земли, аки бы непростому человеку; и тот де самозванец спрашивал имена их, и записывал в тетрадку, и говорил, что он впредь не забудет и не оставит». Капрал же после «розысков» повинился, что всё это он выдумал, «затеяв от себя». За это в 1727 г. он был «бит кнутом и с вырезанием ноздрей сослан в работу в Сибирь на Селенгинские заводы».

Источники

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1. Л. 317–317 об.

РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1. Л. 368–375.

Прокопович М. Н. О извощике 1-го гренадёрскаго баталиона (Низоваго корпуса) Евстифие Артемьеве, назвавшемся царевичем Алексеем Петровичем // ЧОИДР. 1897. Кн. 1. Отд. 5. С. 9–14.

Литература

Троицкий С. М. Самозванцы в России XVII–XVIII веков // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 140.

№ 39. «Царевич Алексей, сын императора Петра I» [начало/середина февраля – апрель ? 1725] – Александр Семиков

Четвёртый самозванец, назвавшийся Алексеем Петровичем, тоже был российским подданным и, видимо, русским, православным. Родился он примерно в 1683/1690 году в «пригородке» (крепости с посадом) Погорельном (Погорелово, Корсун Малый) Симбирского уезда. Его отец был пономарём, и больше о его семье мы ничего не знаем. Скорее всего, Александр так и не женился.

Около 1708 года его отдали в солдаты. По всей видимости, сначала он служил в гренадерской роте пехотного полка, а в 1710 году был приписан ко 2-му гренадерскому полку. Этот полк принимал участие в Северной войне (1710 год – бои под Выборгом, Кексгольмом, Ревелем, 1713 год – бои под Гельсингфорсом, Померанская экспедиция, 1716–1718 годы – действия в составе морского флота), и вряд ли Семиков хотя бы раз не понюхал пороха. В конце концов он оказался в Белгороде (вместе с полком?), откуда в конце 1724-го или начале 1725 года направился к Смоленску в составе «команды» из 26 человек. По пути он и «проявился».

Мы не знаем, когда и почему Семиков «затеял воровски собою называться царевичем», когда и где именно он публично предстал в новом образе. Вероятно, на его умонастроение повлияли слухи о том, что царевич Алексей сумел избежать гибели.

[с. 49]

Мы знаем лишь то, что высочайший статус Александр «похитил» после того, как узнал о смерти Петра I (умер 28 января 1725 г.). Впервые на трон взошла женщина, и это вызвало кривотолки, поскольку в народе жило убеждение, что управление государством – удел мужчин. Скорее всего, так думал и наш герой.

В начале или середине февраля, двигаясь, вероятно, по маршруту Белгород – Сумы – Путивль – Глухов – Новгород-Северский – Мглин, он поведал сослуживцам, что является не тем, кем они его считают, и сумел привлечь их на свою сторону. Судя по всему, он рассказал товарищам о своей мифической жизни во дворце, кознях вельмож, бегстве ради спасения своей жизни и скитаниях по стране. Может, предъявил он и «царские знаки». Как бы то ни было, ему стали оказывать знаки почтения, он приоделся и разжился деньгами, а трое гренадеров стали его приближёнными.

Не позже конца февраля самозванец остановился в селе Пьяный Рог, в 8 верстах от «местечка»³ Почеп. Мемуарист начала XIX века, явно опираясь на местное предание, написал о приезде лжемонарха так: «Он прибыл туда с некоторым числом вооружённых гренадеров, хорошо одет и с пышною услугою, называл себя царевичем Алексеем Петровичем, рассказывал о чудном своём избавлении и что, будучи послушным сыном, бояся Бога и не желая нанести во время царствования своего отца бедствия России, он скрывался до сего времени, но теперь, почитая себя законным наследником престола, едет в Москву принять царство своих предков. При сих рассказах он не щадил обещаний, вина и денег. Народ в селе взволновался: все бежали видеть будущего своего государя, и казаки тамошние один пред другим спешили умножить число его сообщников».

Получается, за 2–3 дня, а то и за меньший срок, у лжецаревича появились десятки новых сторонников. Чтобы понять его успех, нужно учесть вот что. Почеп с округой были некогда «вольной» территорией – частью Стародубского полка, а с 1709 года принадлежали Александру Даниловичу Меншикову. Последний же захватывал земли, закрепощал казаков и взимал с них повинности. Казаки подавали жалобы, но без толку. В декабре 1720-го делу всё же дали ход, ибо вмешался украинский гетман Иван Ильич Скоропадский. В 1723-м царь заставил-таки Меншикова вернуть захваченные земли и незаконно взятые «оброчные деньги». Однако Почеп с округой, включая Пьяный Рог, остались у князя.

Если астраханский Лжеалексей (Артемьев) говорил о своём конфликте с Меншиковым, то почему бы не предположить, что слухи об их столкновениях бродили и по Украине? И тогда под обещаниями, которых «не щадил» Семиков, можно узреть заверения в том, что он, взойдя на престол, вернёт в состав Стародубского полка отторгнутые от него земли. Что ещё мог обещать самозванец ради своего признания? Возможно, восстановить гетманство, фактически упразднённое в 1722 году после смерти Скоропадского.

И всё же поддержка у новоявленного «государя» в Пьяном Роге не была полной – против него был настроен сотник Андрей Барановский, назначенный князем на пост войта (управителя). Самозванец попытался его привлечь: как потом писал войт, «сказал ему своё имя – Александром зовут Семиков и назвался царевичем Алексеем Петровичем». Но Барановский начал контрагитировать жителей села – «старался уверить их, что царевич Алексей Петрович давно умер и что называющийся сим именем должен быть обманщиком; никто не хотел его слушать: многие вызывались убить, а снисходительнейшие покушались связать и представить самозванцу сего войта. В сей крайности Барановский ушёл в Почеп, донёс бывшему там коменданту Павлову, бургомистру Василию Брешкову и другим жителям

о происходившем в Пьяном Роге. Слух о самозванце распространился и по Почепу: народ зашумел и взволновался...»

На счастье «управителей» из Почепской домового канцелярии князя, у них тогда гостил капитан-лейтенант Преображенского полка Епишков (очевидно, с «командой»). Совместными усилиями они привели почепских обывателей к повиновению и, собрав «значительное число козаков», сообща отправились в Пьяный Рог. «Самозванец встречает их с гордостью и требует слепого повиновения. Дерзость его была так велика, что в пылу разговора он ударил коменданта Павлова, и когда сей и при нём бывшие хотели защищаться, он велел мятежникам выстрелить по ним. Битва с обеих сторон возгорелась и продолжалась несколько времени».

По мнению мемуариста, тогда «вспыхнуло... пламя мятежа, могшаго нанести величайшия бедствия всему Отечеству, если бы усердием и кровию некоторых жителей местечка Почеп не было оно утушено при самом его начале». Быть может, кое-что преувеличено, но факт остаётся фактом – вспыхнул бунт. В конце концов «большая часть единомышленников самозванца обратилась» к представителям официальной власти, «и дело кончилось в пользу жителей Почеп, которые, будучи многочисленнее, одолели мятежников». После этого, говоря словами Барановского, «самоназванец и... его товарищи салдаты все тогда забраны были в Почеп». Там, судя по всему, их подвергли «роспросам», и Семиков «разгласил» о себе вновь. Затем, очевидно, «управители» написали письмо Меншикову, а Епишков распорядился по поводу задержанных, в число которых попал и доносчик. «И то его доношение, и оной злодей Семиков, да ис товарищев его, салдат же, три человека, и при них и он ис Почеп отвезены были под караулом в Москву в Преображенской приказ».

Путь колодников лежал через Глухов. Они прибыли в Москву предположительно в конце марта – начале апреля. О следствии мы знаем крайне мало: «А в Преображенской канцелярии оной вор самозванец Семиков в том своём воровском намерении в роспросах и с розысков винился». Его саморазоблачение можно датировать апрелем. Кстати, доносчик тоже был «привожен в застенки к пытке, где имел немалой страх и сокрушение». В сентябре или октябре лжецаревичу было определено наказание – смертная казнь. 22 ноября 1725 года в Петербурге ему отрубили голову.

Но на этом его злоключения не прекратились. Приговор предусматривал демонстрацию в Почепе головы Лжеалексея. Вероятно, такая мера была предложена Меншиковым, желавшим утратить своих давних недругов. 13 декабря голова казнённого была доставлена в Почеп вместе с указом, который повелевал «оную поставить на публичном месте на коле и прибить вину, какова прислана при оном указе, а по времени сделать каменной столб, и на нём поставить оную голову на железной спице, и, написав вину на жестяном листе, прибить к тому столбу». Указ выполнили: на площади близ Преображенской церкви сначала сделали деревянный столб, а по весне – каменный, который простоял, по крайней мере, до 1860-х годов.

А что же местные жители? Всё тот же мемуарист пишет: «Щедроты государыни Екатерины I-й излиты были на войта Барановскаго: она наградила его деревню Высокою в Мглинском повете; но к жителям Почеп, принадлежавшим тогда князю Меньшикову, оныя были преграждены».

Источники

АВПРИ. Ф. 124. Оп. 124/1. 1726 г. Д. 4.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Кн. 1773. Л. 9–12; Кн. 1798. Л. 233–239 об.

Гайворонский И. Отрывок из записок Н. Брешкова // Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света. [М.] 1826. Ч. 4. Кн. 2 (ноябрь). С. 162–163.

Лашкевич С. Историческое замечание о смертной казни самозванца Александра Семикова, выдававшего себя за царевича Алексея Петровича // ЧОИДР. 1860. Кн. 1. Отд. 1. С. 141–146.

Примечания

¹ Епископ Лаврентий (Горка) был местным владыкой в 1722–1726 годах.

² Обер-кригс-комиссар – начальник среднего уровня над военными чиновниками, которые ведали денежным и вещевым довольствием.

³ Местечко – неукреплённое торгово-ремесленное поселение.

[с. 50]
